

Цикл «Пять стихий»:

СЕМЬ ГОРНЫХ ВОРОНОВ

Долина дракона

Глава 1

Нет хуже дорог для карет, чем горные. Лошади ступают неровно, колесо то и дело налетает на камень, один толчок — и вот тебя уже сбросило на пол! Женщина, устроившаяся на обшитом бархатом сидении, поморщилась, когда экипаж в очередной раз тряхнуло.

— Что? — обернулась она на своего спутника, молодого мужчину с длинными черными волосами. Тот молча дернул плечом. Лицо его, изуродованное рассекающим лоб грубым шрамом, было бесстрастно.

— Я не буду ездить верхом, когда есть карета, — светло-серые, льдистые глаза ярко сверкнули. — Это вопрос не удобства, а статуса.

— Я не спорю, миледи, — ответил мужчина приятным низким голосом.

— Тогда прекрати на меня смотреть! — отрезала женщина, снова отворачиваясь к окну.

Карета, покачиваясь, ползла по дороге. Взгляд пассажирки скользил по горам, покрытым лесами. Зеленый покров прорезали водопады и гребни скал. Красота мрачная, но завораживающая.

— Вчера пришло письмо от твоего старшего брата, — сказала женщина.

— Ты из-за него не спала всю ночь? — спросил мужчина.

— А ты из-за чего не спал? — женщина развернулась, встряхнув роскошными темно-русыми волосами. — Подпевал воронам на башне?

— Вороны по ночам спят.

— Ты дерзишь, — глаза женщины сузились и нехорошо заблестели.

— Нет, миледи, ты ошибаешься, — все так же невозмутимо возразил мужчина.

— Я просила наедине называть меня матушкой.

Женщина откинулась на спинку сидения.

— Да, матушка, я помню.

Лицо его по-прежнему ничего не выражало.

— Из всех моих сыновей ты всегда был самым чутким, — женщина задумчиво провела пальцем по губам. — Наверное, потому что ты младший. Послезавтра мы едем в столицу, — сухо добавила она. — Ты, я и оба твоих брата. Хотя стоило бы этих идиотов оставить дома.

Некоторое время они ехали в молчании, потом сын спросил:

— Когда ты последний раз была в столице?

— Десять лет назад, когда ездила туда с твоими старшими братьями, — раздраженно ответила женщина.

— Тебе не нравится там, — заметил сын.

— Потому что мое место здесь, в горах, во владениях твоего отца. Я не люблю уезжать отсюда надолго. Горы и народ нельзя оставлять без хозяйской руки. Будь моя воля, я бы никогда не покидала Твердыню. Но твой отец был другом короля, а король живет в Таумрате.

— Можно, я спрошу? — сын теперь смотрел прямо на нее, лицо его стало живым. Мать сделала короткий ободряющий жест рукой. — Почему ты не взяла себе второго мужа?

— Думаешь, мне было мало семь лет подряд рожать твоему отцу Воронов? — мать побледнела, и губы ее скривились. — Раздвигать ноги, впускать в себя сопящее, воняющее пивом животное? Таскать огромный живот,

а потом корчиться в муках, валяясь в собственной крови, орать, как свинья под ножом, и все — ради чужой похоти? Я родила твоего старшего брата через девять месяцев после свадьбы, и с тех пор каждый год замок оглашал писк нового Ворона. И так продолжалось до самой смерти твоего отца. И знаешь, что? Мне вполне хватило вас семерых.

— Ты нас не любишь и никогда не любила, — спокойно сказал сын. — Но я всегда хотел спросить еще об одном: почему меня ты ненавидишь меньше братьев? Потому что я последний?

— Нет, — мать прикусила губу, внимательно глянула сыну в глаза. — Потому что ты меньше всех похож на своего отца.

Спуск закончился, и пошла пологая дорога. Карета въехала в большое селение, где встречались даже нарядные двухэтажные дома. В центре располагалась широкая площадь.

— Откуда столько народу? — поморщилась мать. — Останови, я хочу посмотреть, что происходит.

Сын высунулся из кареты и велел вознице осадить лошадей. Мать тоже выглянула в окно. Ветер трепал прядки, выбившиеся у висков из ее сложной прически.

Оказалось, толпа собралась вокруг высокого помоста, сложенного из грубых необработанных камней. Над площадью лился ровный сильный голос, выводя слова простой народной припевки.

— Это поет Серебряное горлышко, — объяснил сын. — Дочь кузнеца.

— С каких это пор тебе есть дело до дочерей кузнецов? — быстро обернулась к нему мать.

— Просто о ней все говорят. Говорят, ее песни заставляют больных забывать о боли, влюбленных — о любви, дети перестают плакать, а старики снова чувствуют себя молодыми.

— А ты слышал ее? — прищурилась мать, явно что-то прикидывая в уме.

— Нет, — равнодушно ответил сын. — Она поет для людей на площадях, а не для волков в горах, где я обычно охочусь.

— Если она так хороша, как славят, возьму ее с собой в столицу.

— Зачем? — поднял бровь сын.

— Затем, что в столице надо всегда удивлять, надо всегда поражать людей чем-то необычным. Пойди и послушай. Если она и вправду такая прекрасная певица, привези в замок. Иди уже, надоел.

Мать снова откинулась на спинку сидения, прикрыв глаза. Сын покорно вылез из кареты, подошел к привязанному сзади мощному вороному, отвязал, запрыгнул в седло и тронул конские бока шенкелями. Карета покатила дальше, а всадник стал медленно пробираться через толпу.

На постаменте пела девушка — тонкая, хрупкая, невысокая. Миловидное лицо ничем особенным не отличалось, глаза были закрыты, а собранные в косу русые волосы блестели на солнце. Голос лился, как серебряный горный ручей. Конь замер, а всадник прикрыл глаза. На площади воцарилась тишина, и только голос звенел, набирая силу и разносясь далеко вокруг.

Младший Ворон осторожно пустил коня вперед, мягко раздвигая людей. Его пропустили к самому помосту — теплый храп коня почти коснулся подола шерстяного синего платья девушки.

Ворон слушал незамысловатую жалобу охотника, заблудившегося в лесу и умоляющего лесных духов отпустить его, иначе жена и дети умрут от голода. Всадник погрузился в глубокую задумчивость. Взгляд его затуманился, на лицо легла тень. В тишине он внимал серебряному голоску, выпевающему простые, но проникающие в самую душу слова. Некоторые женщины вокруг всхлипывали, утирая лица передниками. Охота была частым промыслом здешних мужчин. Пожалуй, половина присутствующих кормила ей свои семьи.

Серебряное горлышко завершила песню, поклонилась и открыла пронзительно-синие глаза, глянув прямо на всадника. Младший Ворон вздрогнул: этот взгляд ослепил его, поразил так, что сердце на короткий миг замерло в груди. Девушка испуганно попятилась, она не ожидала увидеть перед собой меньшего сына грозной леди Ворон. Всадник встряхнулся, подался вперед, ловко ухватил девушку за талию и быстро притянул к себе. Певица вскрикнула, толпа заволновалась.

Но Младший Ворон был невозмутим. Он обвел подданных своей матери взглядом столь уверенным и властным, что кулаки у собравшихся на площади разжались, а головы склонились.

Толпа раздалась, снова пропуская всадника, и Ворон выслал коня в легкий галоп. Девушка вздрогнула всем телом, плечи ее поникли. Она сидела, боясь шевельнуться и подать голос. Когда деревня осталась позади и потянулась горная дорога, Ворон перевел жеребца на шаг. Подковы звонко цокали о камни.

Всадник смотрел на русый затылок девушки, собираясь с мыслями. Мучительно хотелось начать разговор — но с чего? Рука, обвивающая талию певицы, чувствовала, как та напряжена. Девушка боялась, ее даже слегка трясло.

— Хорошо поешь, — хрипло сказал Младший Ворон. — В столицу с нами поедешь.

Девушка вздрогнула и обернулась, взглянула снизу-вверх своими большими глазами.

— Зачем?

Голос у Серебряного горлышка оказался приятным, нежным и звонким, даже когда она не пела.

— Леди Ворон ты понравилась. Хочет удивить столичных франтов, — пояснил Младший.

Девушка не ответила, но заметно побледнела и неосознанным нервным жестом потянулась рукой к воротнику платья.

— Боишься ее? — спросил Младший и чуть улыбнулся.

— Да, — опустила ресницы Серебряное горлышко.

— Я и сам ее боюсь, — доверительно поведал Младший, слегка наклонившись. — И остальные братья тоже.

— Вы шутите?

Девушка снова вскинула на него глаза.

— Правду говорю, — Младший улыбнулся шире. — Сама увидишь.

— Вас я тоже боюсь, — призналась девушка, слегка краснея. — Вас все боятся.

— А меня-то почему? — рассмеялся Младший. — Ладно, мои старшие братья — Дикий и Красный Вороны. Но я же вроде никому ничего плохого не сделал...

— Вы — Ворон, — уклонилась от ответа девушка. — И потом, вас часто видят охотники в горах... Ну и всякое рассказывают...

— Ладно, как угодно, — пожал плечами Младший. — Но ты меня можешь не бояться. Как тебя зовут? Серебряное горлышко — это же прозвище?

— Меня зовут Эйнли, — девушка снова украдкой покосилась на своего похитителя. — Можно попросить...

— Да? — переспросил Младший.

— Отец расстроится, когда узнает, что вы забрали меня, — Эйнли совсем зарделась. — Будет беспокоиться, а он уже немолод...

— На днях отвезу тебя домой, все расскажешь, обещаю, — сказал Младший, ласково посмотрев на нее. — После того, как леди решит, что с тобой делать.

Конь бодро шел по дороге, звенели стремена, над горами гасло небо, а впереди вставала Твердыня Воронов — высеченный в скале неприступный замок со множеством башен. Он казался причудливым миражом, внезапно открывающимся взору путника среди диких гор.

— Никогда не была так близко, — пробормотала Эйнли и вдруг прижалась к груди Младшего. — Я боюсь...

— Не бойся, — подбодрил ее Ворон. — Я с тобой и пока еще тебя не съел. Даже не укусил.

Эйнли стиснула губы, чтобы не рассмеяться, и отодвинулась, насколько это было возможно в седле. С одной

стороны, было очень страшно, с другой — молодой сын леди Ворон занимал девушку все больше и больше. Она украдкой рассматривала правильные черты его лица, чистую кожу и — особенно — страшный шрам на лбу. Эйнли, как ни старалась, не могла не глядеть на него. Шрам притягивал девушку против ее воли.

— Если тебе интересно, это меня орел разодрал, — сказал вдруг Младший. — Я полез в гнездо, хотел птенца стянуть, ну и получил по полной. Хорошо, глаза сохранил.

— Я вовсе не хотела... — отчаянно смутилась Эйнли.

— Конечно, хотела! — фыркнул Младший. — Все первым делом замечают шрам. Больше мое лицо ничем не примечательно. Так что проще самому рассказать. Когда так смотрят, сразу ясно становится.

— Простите...

— За что? — улыбнулся Младший. — За то, что у меня шрам на лбу?

Тем временем конь подошел к подвесному мосту из толстенных бревен, перекинувшемуся над пропастью, где клубился туман. Ворон поторопил жеребца, и копыта зацокали по дереву.

Эйнли подняла голову, когда они въехали в ворота: из высокого свода выглядывала подъемная решетка с острыми толстыми зубьями. Девушка поежилась и едва не заплакала.

За стеной оказалась небольшая площадь, а за площадью высился сам замок. Башни оплетали галереи-проходы, вокруг стен из серого камня вились узкие улочки. Из того же камня были и домики, что жались к башням.

Ворон провез Эйнли через площадь, небрежно кивая воинам и слугам, что попадались на пути, проехал сквозь еще одну арку и остановился посреди узкого двора, перед замковым входом. Высоченные, окованные железом стрельчатые двери были открыты. Ворон выпрыгнул из седла, бросил поводья конюху и осторожно снял с коня девушку, бережно опустив ее на серые камни.

— Пойдем, — поманил он Эйнли.

Озираясь по сторонам, дочь кузнеца робко пошла за Вороном. Туда-сюда сновали слуги, косясь на нее, но не задавая вопросов.

Младший привел ее в высокий зал. В середине его пылал огромный очаг, а по стенам висели расшитые золотом и серебром гобелены и шелковые драпировки. Зал казался очень пышным, торжественным, красивым и... неуютным. У Эйнли защипало в носу, и она обняла себя руками за плечи.

В зале стояло несколько пустых столов. Вдоль стен тянулись лавки и сундуки. В центре на небольшом возвышении — деревянное кресло из гладко отполированной древесины. К спинке крепились два высоких деревянных насеста, на которых замерли искусно выкованные из бронзы вороны. Один, выгнув шею, смотрел на двери, второй грозно распахнул двухметровые крылья. А в кресле сидела леди Ворон, прекрасная, холодная и молодая, хотя уже двадцать лет прошло с тех пор, как Аодх Ворон ввел ее под эти своды как свою невесту. Леди равнодушно скользнула взглядом по робкой фигурке и спросила сына:

— Она того стоит?

— Думаю, да, миледи, — почтительно склонился перед матерью Младший.

— Спой, — велела она, откидываясь на спинку кресла.

Эйнли вздрогнула и покосилась на Младшего, словно ища защиты. Тот беззвучно пошевелил губами, и Эйнли угадала название песни. Синие глаза Младшего смотрели тепло. Это придало девушке сил, она собралась с духом и запела. Звонкий голос разнесся под каменными сводами, поднимаясь выше и выше.

— Хватит, — щелкнула пальцами леди. — Голос есть. Но ничего особенного. Только на деревенской площади и распевать. В столице этим никого не удивишь...

— Мне отвезти ее обратно? — быстро спросил Младший.

Эйнли едва заметно вздрогнула от радостной надежды.

— Обратно? — холодно посмотрела на него мать. —

С чего это?

Младший молчал.

— Отведи ее к женщинам, — велела мать. — Скажи леди Маргарет, чтобы позанималась с девчонкой, пусть подготавливает ее для двора. И заодно обучит пению. Все, иди.

Младший Ворон жестом поманил растерянную Эйнли за собой и повел девушку по бесконечным переходам. Лестницы, лестницы, лестницы... Эйнли запуталась сразу и безнадежно.

Младший остановился у толстой деревянной двери, из-за которой доносились женские голоса. Постучал и сразу же распахнул створки.

Эйнли увидела большую светлую комнату, в которой сидело около двадцати девушек. Они пряли, вязали, ткали и... пели. Заправляла всем дородная женщина в сером шелковом платье. Ее сложную прическу скрывал отрез дорогой полупрозрачной ткани.

— Леди Маргарет, это Эйнли, дочь кузнеца, — обратился к ней Младший. — Леди Ворон велела обучить ее манерам и пению. Она поедет с нами ко двору.

— Как угодно моей госпоже, — поклонилась Маргарет, цепким взглядом ощупывая трясущуюся фигурку.

— У меня тоже есть одна просьба, — вдруг сказал Младший и демонстративно положил тяжелую руку в охотничьей перчатке на хрупкое плечо девушки. — Я хочу, чтобы вы помогли Эйнли освоиться.

— Да, лорд Младший Ворон, — снова поклонилась Маргарет, растягивая губы в улыбке. — Я о ней позабочусь.

Младший кивнул испуганной девушке и вышел. Дверь за ним захлопнулась, и Эйнли осталась одна среди незнакомых женщин.

Глава 2

Младший Ворон вернулся в зал. Леди Ворон все еще сидела на троне и играла со свернувшейся на коленях кошкой. Серая проказница отбивалась быстрыми лапками от руки хозяйки, но коготки не выпускала.

— Ты, как я погляжу, тоже поддался чарам кузнецовой дочки, — усмехнулась мать. — Немного же вам всем надо, чтобы голову потерять. Невинное личико, чистый взгляд, сладкий голосок — и готово.

— Миледи, вы сами просили привезти ее, — напомнил Младший.

— Просила, — согласилась мать Воронов, прищурив глаза и глядя куда-то в пустоту. И замолчала.

Помолчав немного, Младший спросил:

— Я могу идти? Хочу попасть в избушку на Волчьем выгоне до темноты.

— Никуда ты не поедешь, — внезапно отрезала мать. — Я запрещаю тебе покидать замок. До отъезда неделя, не хватало потом вас по горам ловить! Тебя и твоих братьев-недоумков. Найди их и скажи, что я не разрешаю улетать из гнезда. И ты тоже останешься дома.

— Они не обрадуются, — заметил Младший.

— А мне наплевать на них обоих.

Леди Ворон поднялась с трона, ставя точку в разговоре. Кошка проворно скатилась на пол и улепетнула в угол.

Младший поклонился матери и отправился на поиски братьев. Красный был старше его на два года, Дикий — всего на год, но оба с ним не дружили. Зато между собой в последние годы спелись.

Самых старших братьев король десять лет назад вытребовал в столицу и приставил к службе. Так оставшиеся в замке Дикий и Красный сделались главными мужчинами в семье. Красный был пятым сыном, Дикий — шестым. Красный унаследовал цепкий, пронизательный ум от матери, силу и темно-рыжую шевелюру от отца. И неизвестно от какого предка — вкрадчивую манеру разговора и умение понравиться любому незнакомому человеку.

Дикий Ворон был его полной противоположностью: больше всего в жизни он любил драки и бешеную скачку по опасным горным дорогам. Из-за своего буйного характера, непокорного и упрямого нрава шестой Ворон перессорился почти со всеми обитателями замка и приобрел дурную славу у простого народа. Его не любили и боялись. Впрочем, Красного Ворона боялись не меньше — за лисье коварство и мстительность.

По длинной витой лестнице, в полутьме, Младший поднялся в Восточную Башню: ее облюбовал себе Дикий Ворон — ему нравилось смотреть на восходящее солнце из небольших окон. Дикий первым встречал рассвет, первым поднимался на ноги, даже когда братья кутили едва не всю ночь напролет. Красный после попойки валялся в постели до полудня, но Дикий, казалось, вовсе не нуждался во сне и отдыхе.

У двери Младший остановился и прислушался: Дикий что-то раздраженно говорил. Громкий, резкий голос отражался от каменных стен. В башне подслушивать их было некому, и Младший в который раз подумал, что, возможно, именно поэтому Дикий и выбрал себе такое неудобное место обитания.

Потом голос Дикого затих и раздался мягкий, вкрадчивый голос Красного Ворона. Судя по интонации, он

в чем-то убеждал брата. Младший постучал, и не дожидаясь приглашения, вошел.

Дикий Ворон, в кожаной черной куртке и таких же штанах, стоял посреди комнаты, стискивая огромные кулаки. Черные спутанные волосы падали ему на лицо, из-под них бешено сверкали серые глаза. На ногах красовались высокие сапоги для верховой езды.

Из угла послышалось ворчание, и огромный серый волкодав Дикого поднялся было, но, признав гостя, тяжело улегся обратно.

— Чего надо? — набросился Дикый на брата. — Какго демона тебя принесло сюда? Тебя звали? Спустить бы с лестницы, чтоб не подслушивал!

— Братишка, не обращай внимания, — перебил Красный Ворон, развалившийся на лавке. Тонкие губы улыбались, но серые глаза смотрели холодно. Если бы не волосы, он был бы точной копией матери. Однако ее красота странно преломилась в его чертах, истаяла. Красный Ворон был довольно привлекательным мужчиной, но в то же время что-то в его лице настораживало и даже отталкивало.

— Наш дорогой братец сегодня снова не с той ноги встал. Видишь, как у него дым из ноздрей идет?

— Хватит! — в бешенстве обернулся к нему Дикый. — Я не желаю ехать в столицу! Не желаю смотреть на нашего короля, чтобы его тролли задрали! Не желаю нюхать дворцовую вонь!

— Сколько шума, — фыркнул Красный. — Уймись. Давай-ка послушаем, какие вести принес наш младший братишка.

— Мать запретила нам покидать замок до отъезда в Таумрат, — сухо сообщил Младший.

Глаза Дикого вспыхнули бешенством. Он заревел и со всей силы пнул скамью, та с грохотом врезалась в стену. Со стола слетела тарелка с остатками обеда. Обглоданные кости раскатились по полу, и одну тут же стянул оживившийся волкодав.

— Ты слышал?! — в ярости обернулся Дикий к брату. — Эта ведьма боится, что мы сбежим!

— Ну, насчет тебя опасается не без оснований, — склонил голову к плечу Красный. — А вот почему она запретила развлекаться нашему младшему братику... Своему милочку...

— Рад был повидаться, — сказал Младший и вышел, едва сдерживаясь, чтобы не грохнуть дверью.

При шестерых братьях и матери он всю жизнь чувствовал себя круглым сиротой. Да, мать не выказывала к нему такой явной неприязни, как к другим сыновьям, но все равно держалась холодно и отчужденно.

Седьмому брату, как младшему, доставалось меньше почета и уважения от слуг и соседей, от вассалов и крестьян. Он рос одиноким, замкнутым и скрытным. Любил пропадать в горах на охоте или просто изучать труднодоступные ущелья и высокие кручи.

Младший знал горы вокруг замка как свои пять пальцев на много миль окрест: все потайные тропинки, плоскогорья, перевалы и пропасти. Иногда седьмой сын лорда Ворона сам себе казался парящей над скалами птицей — той, чьи черные глаза зорко караулят малейшее движение внизу. Крылатый силуэт почти неподвижно висит в лазури небес — висит так долго, что начинает казаться неотъемлемой частью пейзажа, как солнце и снежные вершины. А потом вдруг камнем ныряет вниз.

Синие глаза Младшего лорда были такими же зоркими, как у пернатых хищников. Он приучил себя смотреть на солнце не щурясь и попадать в цель с семисот пятидесяти ярдов. Его охотничий лук отличался от обычных горских — был в два раза тяжелее и мощнее.

В отличие от своих братьев, Младший также умел владеть мечом и щитом. Жители гор мечи не любили: боевые топоры, палицы и луки на склонах гораздо удобней. Мечи считались оружием равнин, и к ним здесь относились с легким презрением.

Но Младший Ворон никогда не шел за стадом, как говаривала его кормилица. Он стащил из оружейной старинный меч, принадлежавший еще отцу Аодха, раздобыл учебник фехтования и упражнялся на безлюдных полянах до посинения. Орудуюя тяжеленным клинком, Младший воображал себя победителем драконов, великим рыцарем, чья слава облетела весь мир. В действительности же он был до того застенчив, что почти не раскрывал рта. Долгое время братья держали его попросту за дурачка. И ошибались.

День прошел в хлопотах: леди Ворон собиралась в столицу, а потому все силы обитателей замка были направлены на подготовку этого грандиозного события.

На закате мать приняла сыновей в парадном зале. Сидя на своем престоле, она раздавала Воронам указания и наставления.

— Я запрещаю тебе выказывать недовольство и ввязываться в ссоры, — сказала леди Дикому сыну.

— Понял, — буркнул тот, пряча глаза.

— Я не потреплю от тебя капризов, — добавила мать, глядя на него холодными глазами. — Никаких криков, язвительных замечаний и грубостей. Веди себя как положено высокородному. Ты слишком много возился с чернью и окончательно отбился от рук. Здесь это никакого значения не имеет, но в столице ты будешь олицетворять собой наш род.

— Помимо меня есть еще шестеро, удостоенных подобной высокой чести, — съязвил Дикий.

— Закрой рот, — с расстановкой произнесла мать, — иначе я тебя накажу. Я ясно выражаюсь?

— Да, миледи, — сразу покорился Дикий, почтительно склонив голову. Он слишком хорошо знал мать и понимал, когда та гневается всерьез.

— Теперь ты, — леди строго посмотрела на пятого сына. — Твой ум будет полезен. Я не виделась с твоими братьями десять лет и не могу доверять им так, как тебе. Поэтому от тебя требуется держать глаза и уши

открытыми, делиться со мной своими соображениями. Больше разговаривай со старшими братьями, а потом приходи ко мне и передавай все, что они скажут. Даже то, что может показаться незначительным.

— Не думаю, что они станут пускаться в откровения, миледи, — пробормотал Красный. — Я их почти не помню, да и они меня тоже.

— Поначалу, да, не станут. Но ты умеешь расположить к себе, втереться в доверие и выведать то, что у других на уме. Запомни: доверять нельзя никому, кроме меня. И даже если у тебя появится искушение поставить на другую лошадь, помни: выигрыш не всегда ко благу.

Красный глядел на леди Ворон, словно что-то прикидывая в уме. Власть этой женщины над ними была велика. Сыновья не просто боялись мать — они перед ней благоговели.

— Итак, через неделю мы выезжаем, — продолжила леди. — Я бы попросила вас помочь с отъездом, а не слоняться без дела по горам и лесам. Горы никуда не денутся до вашего возвращения.

Братья дружно закивали.

— Миледи... — подал голос Младший.

— Да?

— Вы не сказали, что делать мне, — напомнил он.

— Ничего, — отрезала мать. — Твое дело помалкивать, красоваться на коне да вежливо улыбаться всем, кто того стоит.

Младший кивнул. Ничего другого он и не ждал услышать от матери — так она видела его место в их вороньей стае.

Неожиданно в зал зашел замковый управляющий Эрик — высокий грузный мужчина с растрепанной седой гривой и тщательно причесанной бородой.

— Госпожа, — почтительно поклонился он хозяйке. — Там... Ну, словом... Там явился...

— Хватит мямлить, — раздраженно бросила мать Воронов. — Что еще стряслось?

— Там пришел лесоруб, — мрачно сказал Эрик. — И желает предстать перед вами. Он приходит уже третий день подряд, и, хотя я уже велел вытолкать его взащей, это не отбило у него охоты надоедать знатным людям. Стоит у ворот и бубнит, что каждый подданный имеет право предстать перед леди или лордом, коли у него есть до них важное дело.

— Пусть идет сюда, — приказала леди. — Почему вы его не пускаете, раз он так просится?

— Ну, он же неотесанный совсем, — покраснел Эрик. — Какой-то мужлан с горного хутора. В шубе, от которой псиной воняет. Мы подумали, что вам, госпожа, не до этого сейчас.

— Раз он хочет меня видеть, значит, ему это действительно нужно, — вспыхнула леди. — Немедленно приведите!

Эрик поклонился и исчез. Вскоре в коридоре послышались тяжелые шаги. Леди Ворон с любопытством уставилась на двери. Сначала вошел Эрик, за ним — двое дюжих слуг, между которыми вышагивал настоящий великан. Он на голову возвышался над рослыми мужчинами. Очень молодой, совсем мальчишка, даже борода толком не выросла.

Спутанные каштановые волосы падали на широченные медвежьи плечи. Простое, но чистое лицо с огрубевшей от солнца и ветра кожей выражало упрямство. Тяжелые черты и нависающие над глазами брови удивительным образом приятно смотрелись рядом с по-мальчишески пухлыми губами. Одет посетитель был в волчьи шкуры, а на плече покоился тяжеленный топор на длинной рукоятке. Внешность лесоруба произвела на всех такое впечатление, что на некоторое время в парадном зале воцарилась тишина.

Даже в этом зале, повидавшем самых суровых мужчин, таких молодцов еще не видели. В присутствии лесоруба все замковое убранство вдруг словно съежилось и уменьшилось, растеряло свою торжественность и величественность.

— Мой поклон моей госпоже, — низким, но неожиданно приятным голосом сказал лесоруб, ловко опускаясь на одно колено перед креслом, в котором замерла опешившая от удивления леди Ворон.

— Приветствую тебя, — очнувшись она наконец. — Поднимись и скажи, что привело простого работника в мой дом.

Лесоруб густо покраснел и так же проворно поднялся на ноги. Он был столь высок, что смотрел леди почти в глаза, хотя стоял на полу, а она восседала на престоле.

— Я пришел служить тебе верой и правдой, — бухнул лесоруб, краснея все гуще и гуще. Видно было, что он растерян, смущен, сбит с толку и готов сквозь землю провалиться.

Леди снова не сразу нашлась с ответом. Несколько мгновений она смотрела на стоящее перед ней чудо природы, а потом, кашлянув, ответила:

— Ну, что ж, это, конечно, похвальное желание... Но я, как ты знаешь, не испытываю нужды в слугах. И потом, что ты собираешься делать в замке?

— Ну-у... — лесоруб окончательно потерялся. Он устался в пол, втянул голову в плечи и выдавил: — Н-наверное, я бы мог колоть дрова для очагов...

Красный Ворон не выдержал и фыркнул, а Дикий закатил глаза. Младший вообще не понимал, почему мать не прекратит эту нелепую комедию.

— Ну вот, я же говорил, что он слабоумный! — воскликнул Эрик. — Уперся, как рогом в лужу: пустите меня к госпоже, я должен ей служить... А больше ничего мы от него и не добились.

— Тихо, — подняла ладонь леди, у которой вдруг странно заблестели глаза. — Как тебя зовут?

— Ройле, — все так же глядя в пол, назвал лесоруб.

Леди так и впилась взглядом в его лицо:

— Скажи, Ройле, а почему ты решил прийти в замок, чтобы служить мне лично?

— Потому... — Ройле вдруг снова опустился на одно колено, словно отдавая себя на милость госпоже. Это была поза полной покорности и смирения перед судьбой. — Потому что я... Ты не прогневайся, но я... Оно случайно так вышло... Я ель рубил, а тут... Это... Ну, я и... Я н-не хотел его... Не рассчитал... Я не думал, что так выйдет...

Поскольку леди терпеливо слушала это сбивчивое бормотание, остальные тоже молчали. Бедный Ройле совсем запутался, начал заикаться, но потом вдруг стиснул кулаки и выпалил:

— Я убил тролля.

В третий раз парадный зал застыл в гробовой тишине. С лиц Красного и Дикого братьев схлынула краска, Эрик дернулся, как от пощечины.

— Ах, ты, грязный... — начал было Дикий Ворон. Бледность на его щеках начала превращаться в румянец ярости.

— Молчать! — звонкий голос леди прозвучал как удар кнута. — Что ты сделал, Ройле?

— Я убил тролля, — прошептал лесоруб, опускаясь на второе колено и склоняя голову почти до пола.

— Эрик, — леди повернула голову к управляющему, — Ройле останется в замке. И будет прислуживать лично мне. Пусть его отведут в людскую, отмоют, переоденут и накормят. И через три дня он поедет с нами в столицу. А сейчас убирайтесь все отсюда вон, и если кто попырует раскрыть рот...

Желающих испытывать судьбу не нашлось. Зал опустел почти мгновенно, и Эрик осторожно прикрыл двери снаружи.

Братья посмотрели вслед управляющему, за которым удалился их новый домочадец.

— Иногда я... — начал было Дикий, но тут же оборвал себя, сплюнул на пол и быстро зашагал по коридору прочь.

— Мой милый младший братик, — пропел Красный Ворон.

Он неожиданно и сильно обхватил плечи Младшего правой рукой и крепко притиснул его к себе, все еще глядя вслед лесорубу.

— Помнишь ли ты чудесные сказочки, что рассказывала нам кормилица? — вкрадчиво спросил Красный.

От «братских объятий» у Младшего заскрипели ребра. Он стиснул зубы и промолчал.

— Так вот, в одном старинном поверье, что гуляет в наших краях, говорится: ежели кто убьет тролля, то вместо него обязан служить горной ведьме до конца дней своих, — мелодично, нараспев произнес Красный и прижал к себе брата еще сильнее, так, что тот невольно зашипел от боли. — Чудесная сказка, правда?

Красный вдруг чмокнул Младшего, с точным расчетом поцеловав воздух возле его щеки, но не саму щеку, а потом резко отпихнул. Младший отлетел к стене, ударившись плечом. А Красный Ворон пустился догонять Дикого.

Младший потер плечо и покачал головой. Поездка в столицу уже казалась ему не такой уж плохой затеей.

Глава 3

Прелестная девочка, почти девушка, в расшитом мелким жемчугом платье из золотистого шелка быстро бежала вниз по крутой винтовой лестнице. Она сильно запыхалась, мягкие каштановые кудри растрепались, на щеках алел румянец. Лестница находилась в самом глухом углу замка и вела с Угловой башни прямо в винные погреба — в ту отдаленную часть, где хранились всякие древние бутылки и куда почти никто не заглядывал.

Угловую башню тоже мало кто жаловал своим вниманием: делать там было совершенно нечего. Наверху лишь гулял ветер, проникающий через узкие смотровые окошки, да гнездились вороны, галки и совы. В башне было грязно, пыльно, холодно и скучно — в чем на собственном опыте убедилась девочка, когда тишком забралась туда.

Теперь она торопливо бежала вниз, чтобы никто не узнал о ее проделке. Неожиданно нога в атласной мягкой туфельке поскользнулась на каменной ступени, девочка вскрикнула и покатилась вниз. К счастью, она была уже почти в конце лестницы, а потому лишь немного ушиблась.

Или не только ушиблась? Девочка болезненно сморщилась, потирая отекающую лодыжку. Из глаз полились слезы, в носу защипало. Было очень больно и обидно. Всклипывая, она комкала подол платьица, не зная, что делать дальше. Кричать и звать на помощь не позволяли манеры

и страх перед воспитательницами, а подняться и наступить на ногу было страшно: вдруг сломана?

Девочка глотала слезы, утирая глаза чумазой ладошкой. Жалобные всхлипы громко отдавались в тишине узкого коридора. Вдруг девочка вздрогнула: с другой стороны галереи слышались шаги. Кто-то быстро шел сюда — и непременно должен был обнаружить ее в самом недостойном виде. Так и случилось: из сумрака прохода вынырнул высокий, белый как лунь мужчина. Его лицо и руки покрывала мертвенная бледность, волосы были белее снега, а глаза — настолько светлыми, что казались бесцветными. Увидев девочку, мужчина замер. Девочка же, дрожа от страха, подняла на него большие голубые глаза.

— Принцесса Лорна? — наконец заговорил мужчина. — Что с вами случилось?

— Добрый день, лорд Белый Ворон, — трясущимися губами выговорила принцесса. — Я бежала вот по этой лестнице и упала. Кажется, немного подвернула ногу.

Альбинос присел на корточки, и теплые осторожные пальцы ощупали лодыжку девочки. Прикосновение было мягким и очень приятным. Лорна перестала всхлипать и с любопытством рассматривала мужчину: ей никогда еще не приходилось видеть загадочного Белого Ворона так близко. Лорна обнаружила, что даже ресницы и брови у него белые, почти прозрачные, лицо, если не обращать внимания на неестественную бледность, довольно миловидное, а выражение светлых глаз — доброе и застенчивое. Если приглядеться, можно заметить, что радужка вокруг зрачка все-таки чуть отликает голубым цветом.

— Принцесса, могу вас заверить, что с ногой все в порядке, — успокоил ее Ворон. — Просто небольшой ушиб. Но вижу, вам больно. Лучше пока не нагружать мышцы. Если позволите, я отнесу вас в ваши покои.

Лорна заколебалась. С одной стороны, она давно уже читала рыцарские романы, и ее не оставляла мечта, что однажды ее понесет на руках прекрасный юноша. С другой стороны, Белый Ворон на рыцаря из розовых снов не

походил совсем. Принцесса шевельнула ногой и поморщилась от боли. Это решило дело.

— Я была бы крайне признательна за вашу любезность, — опуская густые ресницы, промолвила она.

Ворон ловко подхватил девочку на руки и понес по коридору. Лорне пришлось осторожно держаться обеими руками за его шею. Осмелев, принцесса стала поглядывать по сторонам. Ехать на высоком Вороне было весело, интересно и удобно. Лорна забыла о слезах и даже о внешности своего спасителя. Теперь девочке хотелось, чтобы ее триумфальное шествие увидело как можно больше народу.

Вскоре Ворон свернул в многолюдные коридоры. Со всех стороны раздались испуганные ахи придворных дам и удивленные вскрики лордов и слуг. Лорна была на седьмом небе от удовольствия. Краем глаза посмотрев на Ворона, она увидела, что альбинос не обращает ни малейшего внимания на поднимающуюся суету. Он шел ровным шагом, молча, с непроницаемым лицом, бережно держа принцессу у груди. При этом Ворон так торопился, что оказался у женских королевских покоев гораздо быстрее, чем хотелось бы Лорне, которая только начала наслаждаться всеобщим вниманием.

Вступив в просторную общую комнату, Белый Ворон поморщился от поднимающейся волны воплей и трескотни нянюшек, воспитательниц и придворных леди. Быстро усадив Лорну в мягкое кресло, Ворон поклонился ей, бросил несколько слов причитавшей воспитательнице Нонне и мгновенно исчез за дверью.

— Ой, Небеса и небесные заступники! — голосила Нонна. — Миледи Лорна, в каком вы виде? Как это случилось?

— Упала с лестницы, когда спускалась вниз, — с достоинством ответила Лорна, решив не уточнять, с какой именно лестницы. — Лорд Белый Ворон сказал, что с ногой все в порядке, просто ушиб, так что лекаря не требуется. Но я желаю умыться и переодеться.

— Ой, вот это да! — на принцессу с восторгом смотрела двоюродная сестра, леди Розы. — И этот альбинос нес тебя на руках? Вот ужас-то! А правда, что у него кожа ледяная, как у лягушки, а руки покрыты чешуей?

— Вовсе нет, — сердито ответила Лорна, которой вдруг захотелось стукнуть свою лучшую подругу. — У него такая же теплая кожа, как у тебя или у меня, только более белая. И еще он добрый. И умный.

— Так, хватит болтать! Миледи Лорна — быстро умыться, скоро пора выходить к завтраку, — оборвала их беседу Нонна. — Пойдемте в умывальную.

Белый Ворон быстро забыл об этом инциденте. Он торопился в покои Хранителя Большой Королевской Печати — своего брата Старшего Ворона. В приемной уже сидели сам Хранитель и Мудрый Ворон. На стене висело два ростовых портрета: покойного Аодха Ворона и ныне здравствующего короля Эннобара.

Старший Ворон, который сидел за столом в кресле, обитом черным бархатом, был точной копией отца: прямые темные волосы, пронзительно-синие глаза, благородные черты лица и несколько тяжелый подбородок, выдававший главную семейную черту — упрямство. Густые брови хмурились, белые длинные пальцы аккуратной кисти барабанили по столешнице.

— Доброе утро, — буркнул Старший Ворон вошедшему брату. — Садись.

Альбинос опустил в свободное кресло.

— Утра и вам обоим. А где, кстати, наш четвертый родственник? Где Гордый?

— Подозреваю, спит после ночной попойки, — ответил Мудрый Ворон.

Во дворце только дети боялись Белого Ворона. Взрослые понимали, что по-настоящему страшный человек — третий из братьев.

Мудрый Ворон немного походил на отца и старшего брата: та же высокая широкоплечая фигура, черные прямые волосы. Но чертами лица удался в мать. От нее же ему

достались и глаза: холодные, серые, прозрачные, но при этом непроницаемые. Никто никогда не видел, чтобы Мудрый Ворон улыбался или смеялся. И никто никогда не видел его охваченным гневом, досадой или любым другим сильным чувством.

Лицо Мудрого Ворона всегда оставалось бесстрастным. С тонких губ не сходила вежливая полуулыбка, а взгляд словно пронзал собеседника насквозь. Мудрый носил титул Хранителя Книг, и в его ведении находились королевские библиотеки всех четырех главных замков. Ходили всевозможные слухи о его занятиях Черным Искусством, о его жестокости, мстительности и злопамятности, но, поскольку Хранитель Книг не общался ни с кем, кроме своих троих братьев, короля и подчиненных, подтверждений этим домыслам никто раздобыть не мог.

— Подождем его или расскажешь нам, зачем позвал? — спросил альбинос у Старшего.

— Я послал за ним слугу, — ответил Старший. — Надеюсь...

Распахнулась дверь, и на пороге возник высокий стройный юноша. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться: прозвище свое он получил не зря. Четвертый из братьев Воронов обладал внешностью героя любовных романов: был идеально сложен, узок в талии и широк в плечах, а прямые черные волосы рассыпались в живописном беспорядке, придавая Гордому еще больше очарования, но при этом не умаляя мужественности.

У четвертого брата было открытое лицо с правильными, хотя и несколько резкими чертами и чистой кожей того оттенка, что в народе именуют «кровь с молоком» — то была белизна здоровья и молодости. На щеках пылал румянец. Полные, ровно очерченные губы так и намекали на сладкие поцелуи, веселые синие глаза искрились весельем и вызовом.

Гордый Ворон был самых младшим из братьев, вызванных королем Эннобаром в столицу, а потому быстрее всех привык к новому месту и лучше всех освоился в городе

и во дворце. Гордый почти не общался с другими Воронами, зато обзавелся уймой друзей, приятелей, поклонников и покровителей.

Его сразу же определили в королевскую гвардию — элитные войска, что составляли золотой фонд армии, а в мирное время несли стражу во дворце. Гордый Ворон продемонстрировал отчаянную храбрость, недюжинные воинские способности и, главное, отличные командирские задатки. Благодаря им он занял место сотника, получил несколько наград и знаков отличия, а также содержание согласно званию, и сделался полностью независим от денег семьи.

Понимая, что наследства ему не видать как своих ушей, а уж родового замка — тем более, Гордый брат решил жить так, будто из семьи у него — лишь дальняя родня, о которой вспоминать стоит раз в год, во время Зимнего Подношения Богам. Кроме того, Гордый Ворон имел совершенно не «вороний» характер: любил веселье, музыку, пирушки, гулянки, романы с красавицами и драки при любом удобном случае.

Вот и сейчас на скуле у него расплывался знатный синяк, а нос украшала ссадина. Веки припухли, выдавая веселую бессонную ночь.

Гордый Ворон улыбнулся, показав братьям ровный ряд белейших зубов, завалился в четвертое пустое кресло, закинул ноги на стол и широко зевнул.

— Подобные манеры уместны в казарме, — кисло заметил Старший Ворон.

— Ну, я прямиком оттуда и не успел их поменять по дороге, — съязвил Гордый. — Какого черта ты заставил меня подняться в такую рань и притащиться во дворец?

— Военному положены ранние побудки, — хмуро возразил Старший.

— Только не в увольнительную, — томно протянул Гордый. — Хо! Да я смотрю, тут вся стая слетелась. Что за сладкую падаль ты припас нам, братец?

— Если ты думаешь, что мне доставляет удовольствие любоваться на твою похмельную рожу, то

глубоко ошибаешься! — вспыхнул Старший. — Я собрал вас по важному семейному делу! И будь любезен вести себя как высокородный, а не как менестрель из таверны!

Гордый только молча закатил глаза и растекся в кресле, словно показывая, что слушать брата не намерен.

— Итак, — Старший глубоко вздохнул. — У меня только одна новость. Но касается она всех. Сюда, в столицу, едет наша мать, леди Карей из рода Воронов.

Альбинос широко распахнул глаза, а Гордый Ворон сразу перестал улыбаться и выпрямился в кресле. Только Мудрый брат сохранил полную невозмутимость.

— С чего это мамаша решила покинуть родовое гнездо и потрясти юбками перед носом Его Величества? — воскликнул Гордый Ворон. — Никак тролль в горах сдох?

— Нет, ее вызвал сам Эннобар, — оборвал его Старший.

— Вероятно, тебе известны причины приглашения, — заметил до сих пор молчавший Мудрый Ворон. Голос его был тихим, но тяжелым. Он резал воздух, как тупой клинок — бархат.

— Известны, — мрачно сказал Старший. — Тебе, я думаю, тоже.

— Я могу только предполагать, — голос Мудрого Ворона неуловимо напоминал свист, что издают крупные змеи, скользя по земле. — Вероятно, приезд нашей матери связан с надвигающейся войной.

— А ей-то что за дело до той войны? — снова влез Гордый. — Ее дело — рожать воинов, а уж воевать — дело самих воинов.

Старший красноречиво посмотрел на брата, постаравшись выразить взглядом все, что думал по поводу умственных способностей всех воинов в целом и гвардейских сотников — в частности.

— Это только одна причина, основная и явная, — продолжил Старший. — Но есть и другая. Я сам могу лишь догадываться...

— Ну? — поторопил его Мудрый.

— Думаю, Эннобар будет обсуждать с матерью вопрос о родстве, — выдавил Старший, глядя в стол.

— А, — коротко ответил Мудрый Ворон. — Что ж, я давно ждал, когда это произойдет.

Старший посмотрел на него исподлобья:

— Ну вот, произошло...

— Ах-ха-ха! Так вот чего ты затряс задом! — расхохотался Гордый, откинув голову. — То-то хвост прищемил! Подумать только: маменька будет выбирать среди нас женихов королевским дочкам! А ты-то уже округился, да еще без спроса.

— Я спрашивал! — огрызнулся Старший, в ярости сверкнув глазами. — Не моя вина, что ее ответ запоздал.

— Да, да, — сочувственно покивал Гордый. — Разумеется, вовсе не твоя. Еще бы: кто же мог знать, что с письмом выйдет такая проволочка, как раз когда наш нетерпеливый влюбленный так и рвется к алтарю, словно застоявшийся жеребец — в поля. Очень умно было отправить гонца, а не ворона. Только матушка-то наша не дура, ответ вороном отправила. Но — какое трагическое стечение обстоятельств! — ворон возьми да и сгинь по пути. И что уж там матушка своему первенцу советовала, так и осталось при ней. А ты женат, пузат и третьего пискуна поджидаешь. И тут — сюрприз! Матушка собственной персоной, да еще и с политическим браком.

— Я сейчас разобью тебе лицо, — сквозь зубы процедил Старший. Лицо его пошло алыми пятнами, губы побелели.

— Не стоит, — в голосе Мудрого Ворона было столько льда, что, казалось, на стенах проступил иней. — Наш дорогой брат сейчас закроет рот на замок и не проронит ни слова, пока его не спросят.

Гордый открыл было рот и с вызовом взглянул на Мудрого. Лицо его все так же не выражало никаких чувств, но в прозрачной серой глубине пустых глаз вдруг появилась некая смутная тень — и начала сгущаться, заставляя

глаза менять цвет. Все три брата замерли, будто проглотив языки.

— Что ж, интересные новости, — задумчиво сказал Мудрый Ворон. — Вопрос в том, кто из нас станет женихом принцессы Лорны.

— Почему Лорны? — подал голос Белый брат. Бесцветные глаза вопросительно перебежали со Старшего на Мудрого.

— Кстати, да, почему? — Старший с интересом посмотрел на Мудрого.

— Потому что Рона уже просватана за наследного принца Озерного королевства, а Финеле всего три года, и вряд ли свадьбу отложат так надолго, — пояснил Мудрый, водя пальцами по гладким подлокотникам кресла.

— Но Лорна тоже совсем ребенок, — возразил Белый.

— Через месяц ей исполняется одиннадцать, а через год она вступит в брачный возраст, — пожал плечами Мудрый. — Единственный возможный вариант, и Эннобар это прекрасно знает. Можно заключить брак без консумации. Никто не полезет на неразвитую девушку, когда можно спокойно дождаться спелости, но родство все равно уже будет действенным.

— Но кто станет ее мужем? — снова спросил Белый. — Ты?

Он посмотрел на Мудрого.

— Меня не привлекают семейные узы, — ответил тот, выдержав взгляд брата. — Эннобар не настолько глуп, чтобы не понимать очевидных вещей. Изначально лишь один из нас подходил на роль королевского зятя.

Все три брата дружно посмотрели на Старшего, который снова покраснел.

— Но он уже давно и счастливо женат, — не выдержал Гордый.

— Что перетирать одно и то же! — Старший раздраженно стукнул раскрытой ладонью по столу. — Все равно будет так, как решит леди Ворон. Скажет она — и ты, наш Мудрый брат, поведешь Лорну к алтарю.

— Не думаю, что выбор падет на меня, — спокойно ответил Мудрый.

— А я не собираюсь жениться, даже если вы всей семейкой свяжете меня и силком потащите в Храм Берканы, — подскочил в кресле Гордый.

— Да уж всем известно, что шлюх и притоны ты не променяешь даже на трон и корону, — презрительно ответил Старший. — Но все решит леди.

— Да что ты все заладил: леди да леди?! — взорвался Гордый. — Мы живем тут десять лет, все уже взрослые мужчины! Какого черта нам слушать мамашу, пусть она даже трижды леди и владеет всеми Серыми горами?

— Ты просто забыл, кто такая леди Ворон, — вдруг сказал альбинос.

— А ты прям помнишь! — запальчиво перебил его Гордый. — Тоже десять лет ее в глаза не видел.

— Тебе просто повезло: родился четвертым. Мать сразу отдала тебя кормилице и мало уделяла внимания, а потом тебя увезли в столицу, — сказал Старший.

— Да мне вообще везет, — легкомысленно согласился Гордый, сладко потягиваясь и шуря веселые глаза. — И думаю, везти будет и дальше. Во всяком случае, я, в отличие от вас, не намерен плясать под мамашину дудку. Мне глубоко плевать, кого там она собирает с дочкой Эннобара: ни до этой свадьбы, ни до всей вашей каркающей семейки мне больше дела нет. Привет!

Гордый вскочил на ноги и удалился, насвистывая пошлый мотивчик. Мудрый смотрел ему вслед, жуя нижнюю губу.

— Я бы занялся им, но предпочту оставить это матери, — заявил он.

— Что думаешь сам? — устало спросил Старший.

— Зная мать, думаю, что достанется всем, кроме, может быть, его, — кивнул на притихшего альбиноса Мудрый. Белый горько улыбнулся: леди Ворон до такой степени не выносила своего сына-урода, что предпочитала вообще не вспоминать о его существовании.

— А насчет войны? — снова спросил Старший.

— Думаю, война неизбежна, — снова пожевал губы Мудрый. — Даже если Эннобар попытается удержаться от военных действий, ее ему все равно навяжут. Единственное, что можно сделать, — начать в наиболее выгодное время и в наиболее выгодных условиях и гнуть свою линию. Вопрос в том, хватит ли на это Эннобара теперь, когда у него уже десять лет нет Аодха Ворона, а его Вепрь давно растерял клыки.

— Потому король и позвал нашу мать, — заметил Старший.

— Наша мать — редкая женщина, но прежде всего она представительница своего пола, — пожал плечами Мудрый. — Горы — ее сила. Покинув их, она становится слабее вполовину, если не больше. Но тебе все равно придется ответить за свое ослушание и за свою, — тут губы его чуть изогнулись в ухмылке, — любовь.

Старший уронил голову на руки. Мудрый Ворон поднялся и вышел. В комнате повисла тишина.

— Вот почему мы братья, одна кровь, единая плоть, а такие чужие друг другу? — глухо спросил Старший, не поднимая головы.

— Я думал об этом, — отозвался Белый. — Вероятно, из-за того, что отец умер слишком рано, а мать не сделала ничего, чтобы мы чувствовали себя настоящей семьей.

— Ничего? — Старший посмотрел на брата.

— Леди Ворон никогда не любила ни нас, ни нашего отца, — тихо ответил альбинос. — Она всегда любила только горы.

— Ты тоже меня не понимаешь и будешь сам по себе? — спросил Старший, на секунду поддавшись слабости.

Белый Ворон сидел в кресле прямо и неподвижно. Нелепый каприз природы, ошибка мироздания. Ущербный член стаи. Тот, на кого показывают пальцами, дразнят, над кем смеются, кого боятся, за чьей спиной перешептываются.

— Мне не доставалось ни от вас, ни от матери даже той призрачной тени семейных уз, что связывала всех Воронов, — прочистив горло, ответил альбинос. Голова его опустилась, плечи поникли, руки разглаживали на коленях невидимую складку. — У меня нет друзей, нет близких, нет любимой или даже приятелей. Я живу в вечном холоде и неизбывной пустоте... Но я твой брат. Нас родила одна мать, и мы произошли от одного отца. В тебе и во мне течет одна кровь. Поэтому я с тобой. И еще потому, что я тебя понимаю.

Альбинос умолк. Старший поднялся из-за стола и подошел к креслу.

— Спасибо, — проглотив ком в горле, сказал он и сжал руку третьего брата.

Альбинос поднял на него глаза. На лице мелькнуло странное выражение, а взгляд подозрительно увлажнился.

— Я, пожалуй, пойду, — пробормотал Белый.

— Спасибо, — повторил Старший, и еще раз с чувством стиснул ему руку.

Третий Ворон неуверенно ответил таким же пожатием, а потом поднялся и покинул покои Хранителя Большой Королевской Печати.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	24
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	50
Глава 7	64
Глава 8	72
Глава 9	86
Глава 10	96
Глава 11	103
Глава 12	111
Глава 13	121
Глава 14	128
Глава 15	138
Глава 16	157
Глава 17	190
Глава 18	196
Глава 19	213
Глава 20	216
Глава 21	225

Глава 22	234
Глава 23	241
Глава 24	261
Глава 25	272
Глава 26	293
Глава 27	315
Глава 28	349
Глава 29	372
Глава 30	391

Ляфь сфижий

Семь братьев из рода Воронов
не ладят между собой,
но все меняется, когда
в королевство Таумрат
приходит война.

Теперь у всех лордов-Воронов
общая цель: выжить
во враждебном мире,
узнать тайну могущественной
горной ведьмы — их матери,
найти королевских дочерей
и вернуть им трон.

Соперничество и ненависть,
любовь и отчаяние, —
все перемешалось
в сердцах братьев,
и ни один из них не знает,
удастся ли ему уцелеть
в огне битв и буре
пробуждающейся
древней магии.

Смерть или победа —
третьего не дано.

25 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРОДЕЦ

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907358-09-6

9 785907 358096